

I.

Тик-так, тик-так!

Ночью в тишине и в одиночестве жутко слушать бесстрастное красноречие маятника часов: звуки монотонные и математически правильные, однообразно отмечающие всегда одно и то же—неустанное движение жизни. Тьма и сон об'емлют землю, все молчит, лишь часы холодно и громко отмечают исчезновение секунд... Маятник стучит, и с каждым звуком жизнь сокращается на секунду, на крошечную частичку времени, данного каждому из нас, на секунду, которая уже не вернется к нам. Откуда являются секунды и куда они исчезают? Никто не ответит на это... И есть еще много вопросов, на которые не отвечено, есть другие, более важные вопросы, и от разрешения их зависит наше счастье. Как жить, чтобы сознавать себя нужным для жизни, как жить, не теряя веры и желания, как жить, чтобы ни одна секунда не исчезала, не волнует души и ума? Ответят ли когда-нибудь на все это часы, движению которых нет конца, что скажут на это часы?

II.

Тик-так, тик-так!

Нет ничего на свете бесстрастнее часов: они одинаково правильно стучат и в момент вашего рождения, и в то время, когда вы жадно срываете цветы грез юности. Со дня своего рождения каждый день человек становится ближе к смерти. И когда вы будете хрипеть в агонии—часы будут сухо и спокойно считать ее секунды. В их холодном счете—прислушайтесь—звучит нечто всезнающее и уставшее от этого знания. Ничто, никогда не волнует их и не дорого им.

Рассказ А. М. Горького «Часы» впервые был напечатан в «Нижегородском листке» в 1896 году в номере от 22 ноября, под заголовком «Элегия». Позднее с частичными изменениями рассказ был перепечатан в «Нижегородском сборнике» в 1905 году. Мы печатаем рассказ по тексту сборника «Забытые рассказы» (Гослитиздат, 1940 г.). Глава VIII в «Нижегородском листке» совершенно отсутствует.

Они равнодушны, и нам, если мы хотим жить, нужно создавать себе иные часы, полные ощущений и мысли, полные действий, чтобы замедлить эти скучные, однообразные, убивающие душу тоской, укоризненно и холодно звучащие часы.

III.

Тик-так, тик-так!

В неустанном движении часов нет неподвижной точки,—что же мы называем настоящим? За одной родившейся секундой рождается вторая и сталкивает первую в бездну неизвестного...

Тик-так! И вы счастливы. Тик-так! И вот вам в сердце вливается жгучий яд горя, и оно может остаться на всю жизнь с вами, на все часы данной вам жизни, если вы не постараетесь наполнить каждую секунду вашей жизни чем-либо новым и живым. Страдание соблазнительно; это—опасная привилегия: обладая ею, мы обыкновенно не ищем другого, более высокого права на звание человека. А его так много, этого страдания, что оно стало дешево и почти уже не пользуется вниманием людей. Поэтому едва ли стоит дорожить

страданием,—следует наполнять себя чем-либо более оригинальным, более ценным,—не так ли? Страдание—обесцененный фонд. И не следует жаловаться на жизнь кому бы то ни было: слова утешения редко содержат в себе то, чего ищет в них человек. Всего же полнее и интереснее жизнь тогда, когда человек борется с тем, что ему мешает жить. В борьбе незаметно промчатся тоскливые и скучные часы.

IV.

Тик-так, тик-так!

Жизнь человека до смешного кратка. Как жить? Одни упрямло уклоняются от жизни, другие всецело посвящают себя ей. Первые на склоне дней будут нищи духом и воспоминаниями, вторые—богаты и тем и другим. И те и другие умрут, и от всех не останется ничего, если никто не будет бескорыстно отдавать жизни свой ум и сердце... И когда вы будете умирать, часы бесстрастно будут считать секунды вашей агонии—тик-так! И в эти секунды рождаются новые люди, по нескольку в каждую, а вас уже—нет! и ничего не останется в жизни от вас, кроме вашего тела, которое будет дурно пахнуть! Неужели же ваша гордость не возмущается этим автоматическим творчеством, которое бросило вас в жизнь, потом вырвало из нее, и—только? Укрепите же в жизни память о себе, если вы горды и оскорблены вашей подчиненностью тайным задачам времени. Подумайте о вашей роли в жизни: был сделан кирпич, потом он лежал неподвижно в одном здании, потом рассыпался и исчез... И скучно, и пошло быть кирпичом,—не правда ли? Не походите же на кир-

нич, если у вас есть ум и душа и если вы хотите испытать в жизни хорошие, полные чувствования и дум, бурные часы.

V.

Тик-так, тик-так!

Если вы задумаетесь о том, что теперь значите вы в беспредельном движении часов,—вы будете подавлены сознанием вашего ничтожества. Да оскорбит вас это сознание! Да возбудит оно в вас гордость, и пусть вы почувствуете вражду к жизни, унижающей вас, и да обявите вы ей борьбу. Во имя чего? Когда природа лишила человека его способности ходить на четвереньках, она дала ему в виде посоха—идеал. И с той поры он бессознательно, инстинктивно стремится к лучшему—все выше! Сделайте это стремление сознательным, учите людей понимать, что только в сознательном стремлении к лучшему—истинное счастье. Не жалуйтесь на бессилие и ни на что не жалуйтесь. Единственное, что может принести вам ваша жалоба—это сожаление, милостыня нищих духом. Все люди одинаково несчастны, но более всех несчастен тот, кто украшает себя своим несчастьем. Эти же люди более всех других жаждут внимания к себе и менее всех достойны его. Стремление вперед—вот цель жизни. Пусть же вся жизнь будет стремлением, и тогда в ней будут высоко-прекрасные часы.

VI.

Тик-так, тик-так!

«На что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого ты окружил мраком?». Это старый Иов спрашивал у бога. Ныне уж нет таких смелых людей, которые, помня, что они дети бога и созданы им по образу и подобию его, гово-

рили бы ему, как Иов, и вообще дешево ценят ныне люди себя. И мало любят жизнь, и даже себя любят неумело. И в то же время боятся смерти, хотя никто не избегит ее, как это известно. Избежное—законно. Ведь человек с той поры, как явился на землю,—все умирает, и к этому надо привыкнуть, пора. Сознание выполненной задачи может уничтожить страх смерти, и честно пройденный путь жизни дает покойный конец. Тик-так... И от человека остаются только одни дела его. И прекращаются для него часы вместе с его желаниями, и наступят иные часы—часы оценки его жизни, суровые часы.

VII.

Тик-так, тик-так!

В сущности, все довольно просто в этом запутавшемся в противоречиях, во лжи и злобе живущем мире. И было бы еще проще, если бы люди всматривались друг в друга, и каждый имел бы за собою друга.

Один, если он и велик, все-таки мал. Необходимо понимать друг друга: ведь все мы говорим темнее и хуже, чем думаем. Человеку не хватает много слов, чтобы открыть свое сердце перед другим, и поэтому много крупных и важных для жизни дум пропадает бесследно оттого, что для них своевременно не нашлось нужных форм. Рождается мысль, есть искреннее желание воплотить ее в слова, в твердые и ясные слова... а слов—нет.

Больше внимания к мысли. Помогайте рождаться ей, она всегда окупит вам труд. Везде и во всем есть мысль,—даже в трещинах камня вы прочтете ее, если захотите этого. Если люди захотят, они все-го достигнут; если они захотят, они будут владыками жизни, а не ра-

бами ее, как теперь. Только бы явилось желание жить, гордое сознание силы своей, и вся жизнь представит собой прекрасные часы, полные явлений силы духа, поражающие благородством подвигов,—великие часы.

VIII.

Тик-так, тик-так!

Да здравствуют сильные духом, мужественные люди,—люди, которые служат истине, справедливости, красоте! Мы их не знаем, потому что они горды и не требуют награды; мы не видим, как радостно сжигают они свои сердца. Освещая жизнь ярким светом, они заставляют прозевать даже слепых. Нужно, чтобы прозрели слепые, которых так много; нужно, чтобы все люди с ужасом и отвращением увидели, как груба, несправедлива и безобразна их жизнь. Да здравствует человек, владыка своих желаний! Весь мир—в его сердце, вся боль мира, все страдание людей—в его душе. Зло и грязь жизни, ложь и жестокость ее—его враги; все часы свои он щедро тратит на борьбу, и жизнь его полна буйных радостей, красивого гнева, гордого упрямства... Не жалея себя,—это самая гордая, самая красивая мудрость на земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые—вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное.

Часы нашей жизни—пустые, скучные часы; наполним же их красивыми подвигами, не жалея себя, и тогда мы переживем красивые, полные радостного трепета, полные жгучей гордости часы! Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя!